

**Спасибо вам, товарищи,
за помощь и заботу**

ПУСТЬ БЛАГОДАРНОСТЬ ФРОНТОВИКОВ
ВДОХНОВИТ НАС НА ЕЩЕ БОЛЬШУЮ
ПОДДЕРЖКУ КРАСНОЙ АРМИИ

Катюша—спасительница моей жизни

— При бомбежке в селе Быстрец, Тимского района, я был серьезно ранен в левую ногу. Для меня это было двойным страданием—физическим и моральным. Как мне хотелось идти вперед, а тут—на тебе,—лежи в каком-то Быстрце. Меня и еще 12 раненых бойцов положили в одну из колхозных хат, предоставив присмотру одной медицинской сестры. Но сестра через два дня уехала вместе со своей частью, и мы остались одни. Хозяйка дома всеми силами старалась помочь нам, но перевязывать раны она не умела.

Однажды к нам зашла девушка. Она где-то достала бинт. Перевязала раны. И так мы, раненные, полюбили эту девушку, которую звали Катюшей.

Однажды она принесла нам нехорошую весть: остатки окруженной немецкой группировки, пытавшиеся пробиться к фронту, подходят к нашему селу.

На другой день Катя увела

с собой 5 человек из тех, которые могли ходить, в соседнее село Красный Хутор, где стояла наша часть. Перевезти же всех нас она не успела.

Меня Катя переодела, а документы и форму спрятала. В тот же день она перенесла меня в свой дом.

Катя первая увидела немецкий обоз, двигавшийся по тракту к Быстрцу. Я советовал ей скрыться, потому что за нее я боялся больше, чем за себя.

— Никуда я не пойду от вас, а если погибать, то вместе,—сказала она. Так и пошла.

Когда в квартиру вошел запыленный немец, Катя ловко отвела от меня угрозу, перехитрив врага.

Я, командир Красной Армии, от души благодарю Катюшу—спасительницу моей жизни. Спасибо ей, Катюше Баганиковой, патриотке родины.

Лейтенант Н. Загребный.

Как отец родной

Нас ранило в дни жарких боев за освобождение ст. Касторная. Тепло и ласково встретил раненых Ново-Успенская больница. Чуткий и внимательный врач Понатовский, постоянно заботясь о нашем здоровье, ни днем, ни ночью не отходил от нас.

Находясь во временно оккупированном селе, тов. Понатовский всеми силами старался

спасти больниц. Даже в страшные минуты горячего боя в селе он не оставил ее.

За всю заботу о нас мы выносим тов. Понатовскому сердечную благодарность.

По поручению бойцов и командиров ст. лейтенант Фролов, Абашкин, сержанты Рюмин, Фазулин.

ПУСТЬ КРЕПНЕТ НАША ДРУЖБА

Дорогие колхозники и колхозницы Поневского сельсовета, Беседянского района! Мы, раненные бойцы и командиры Красной Армии, находящиеся на излечении в И-ском госпитале, приносим вам свою искреннюю благодарность и сердечное спасибо за ту помощь, которую вы оказали нам в момент, когда мы были ранены на территории вашего сельсовета. Без нашей помощи и поддержки мы никогда бы не смогли так быстро выздоравливать, как сейчас.

Мы твердо уверены, что наша с вами дружба будет расти и крепнуть. Мы также твердо верим, что колхозники Беседянского

района с честью выполнят стоящую сейчас перед ними боевую задачу—образцово и в сжатые сроки проведут весенне-летние полевые работы.

А мы, в свою очередь, обязуемся по возвращении в ряды Действующей Красной Армии еще сильнее, еще бесстрашнее бить врага.

Письмо подписали участники митинга бойцов, командиров и политработников И-ского госпиталя:

ХУДОЛЕЕВА, зам. нач. госпиталя.
Лейтенант ГРИНДБЕРГ.
Лейтенант СОУР.
Старшина СОЛОШКО.

Нашим родным и знакомым

Редакция „Курской Правды“ прислала письма следующие товарищи:

А. П. КОЗЬМИН, житель г. Курска, сейчас майор медицинской службы, орденноносец; его адрес: 1462 полевая почта, часть 65. Т. С. ВЯХИРЕВА; ее адрес—г. Горький, 32, завод им. 25 Октября, начальник спецотдела. В. Д. СОКОЛОВ; его адрес—Саратовская обл., г. Энгельс, 1, часть 064, почтовый ящик 9. И. С. ЕВТЕЕВ; его адрес—1869 полевая почта, часть 320. Ф. И. ПАШКОВ; житель г. Курска, его адрес—1124 полевая почта, часть 421. И. Д. ЧИСТИЛИН, житель Ново-Черемшанского сельсовета, Медвенского района, командир, орденноносец; его адрес—1653 полевая почта, часть 104. С. И. РАСТОРЩЕВ; его адрес—2348 полевая почта, часть 816.

Гвардейцы

Они помнят все: бои на Украине, когда один наш танк вступал в неравный бой с двадцатью немецкими, когда, за-таив горечь и боль, мы остав-ляли города и селения, проры-ваясь сквозь огненную блокаду врага, и холодные ночи в под-московных лесах.

Неувиданной славой покрыли свои имена танкисты.

Сталь со сталью, броня с броней, металл с металломшибались что было силы и тогда на поле боя оставалась груда развороченных машин с покороблен-ной и законченной сва-стикой.

Почему же Любуш-кин с Сафоновым не боялись 5—10 враже-ских танков? Почему прославленный Костя Самохин, память кото-рого свято чтут тан-кисты, этот сын воле-ных молдавских степей, выросший в шатре цы-ган, трижды ордено-носец, бесстрашно би-лся один против много-численных врагов? По-чему агроном Лихошер-стный, давший клятву матери убить триста немцев, свято выполнял

свой долг? Откуда у этих двадцатилетних парней—воронежцев, черниговцев, подольчан, курян, ростовчан—та-кая удача и отвага, умение и смелость?

Эти качества выковались в огне, в жестоких схватках с врагом. И если спросить у Ли-хошерстного или Сафонова: Как вы рискнули это сделать?—они ответят с какой-то непере-даваемой гордостью:

— Мы ведь гвардейцы! Та-ковы уж традиции нашей части.

Мы просидели долгий зимний вечер в маленькой избушке и слушали рассказы гвардейцев-танкистов.

Павел Андреевич Заскалько—бывалый воин. Он не дрогнул, когда по его танку залпом уда-рили двенадцать немецких ору-дий. Растворившись Заскалько вышел из боя с опаленным лицом, ему казалось, что его глаза никогда больше не уви-

дят солнца, в госпитале ему читал стихи старый актер и тогда сердце танкиста наполни-лось жаждой к жизни. Врачи возвратили лицу Заскалько ес-тественный цвет и он снова вернулся в часть.

Такими же боевыми делами прославились Лавриненко и Бу-рда, Ефрушенко и Самохин.

Был случай, когда командир

деревьями, он обстреливал то одну колонну, то другую. А немецкие танкисты, сбивые с толку маневром Самохина, ста-ли обстреливать друг друга.

Механик-водитель Сафонов учился у Любушкина и Лаври-ненко. Он не раз бывал с ними в боях. А сейчас он сидит за столом и вспоминает:

— Мы брали приступом вы-сотку. Мой танк шел по центру и главный удар пришелся по мне. Были 105-миллиметро-вые противотанковые пушки. Когда мы до-стигли гребня высоты, Любушкин сказал:

— Пройди еще 50 метров и остановись. Приказ командира дол-жен быть выполнен.

На танк посыпались десятки бронебойных снарядов. Любушкин решил принять весь огонь на себя, лишь бы другие смогли дей-ствовать. Сначала в танке был пробит правый бок башни, потом мотор, затем топ-ливные баки обоих бортов и, наконец, за-горелись снаряды на шиберах. Воспламени-лся порох. Что-то го-рячее обожгло мое плечо. Я почувствовал боль, обернулся и крикнул:

— Любушкин! Ефрушенко!

Но никто не ответил мне. Только я и стрелок-радист Ег-оров, израненные и обожженные, остались в живых, но то, чему учил меня Любушкин, не за-быть никогда.

Танки—молодой вид оружия, а советские танкисты—ровес-ники Октября. Но и за чет-верть века в их среде созда-лись замечательные традиции. Это—воля к победе, любовь к машине, преданность своему командиру, презрение к смерти. И будь это опытный командир орудия или молодой стрелок-радист—все равно эти тради-ции остаются неизменными, словно они высечены на скри-жалях и никакие грозы и вет-ры не сотрут их в веках.

Гвардеец-танкист тов. Сафонов.

ФАШИСТЫ ОТ НАС НЕ ДОБИЛИСЬ НИ СЛОВА...

При отступлении Красной Армии из нашего района папа и мама ушли в парти-занский отряд, а мы, чет-веро детей, остались в городе у бабушки.

Как было страшно, когда пришли немцы! Они с первого же дня начали расправу над жителями. Расстреляли многих людей.

Я очень боялась за своих родных и реши-ла не терять с ними связь.

Часто, пробравшись в лес, я давала парти-занскому отряду нужные сведения.

Однажды я с братишкой Леной пришла в село Кочетово, где раньше работал в МТС папа. В селе жила немка—жена одного из агрономов. Узнав нас, она тотчас же до-ложила немецкому офицеру, кто мы такие, где наши родители и что мы имеем с ними связь. Нас задержали и отправили в город. Посадили в холодный, темный подвал, есть не давали ничего, кроме какой-то водяной воды.

Прошло несколько дней, и вот приходят два немца:

— Где отец и мать, признавайтесь!—за-кричал один из них и начал размахивать палкой.

Обняв Леноу, я молчала. Молчала и он. Не-мец пытал меня, приставлял пистолет к го-ловке Лены.

Потом, смеясь—берет немек Леноу на руки,

Рассказ школьницы

сажает на колени и так ла-сково говорит:

— Тебя звать Леной? Ну скажи, Лена, где твой папа, где мама, где бабушка?

— Ничего я не скажу, не знаю,—закричал Лена. Мне было страшно и радостно за моего маленького братишку. Обняв его, я кри-кнула: „Что хотите делайте, но мы ничего не скажем“.

Долго потом издевались они над нами. Но мы не плакали, потому что советские дети должны быть крепкими. Так палачи ничего и не добились от нас и выпустили домой.

Однако, и на „свободе“ ежедневно таскали нас в комендатуру, грозили расстрелом, если не дадим сведения про партизан.

И вот 28 декабря, не перенеся всех этих пыток, мы четверо: Лена, Тамара, Лена и я тайком ушли в лес к папе и маме.

3 марта я и папа вместе с бойцами Крас-ной Армии пришли в г. Львов.

Сейчас я хочу одного: чтобы наша Крас-ная Армия как можно скорее очистила нашу родину от немецких извергов и спасла еще многих таких детей, как мы, чтобы быстрее опять зазвела наша—частичная, радостная жизнь.

Надя КОЧЕВОВА, 14 лет